

Мечта Атая / рассказ

Category: Некаýалар, Китарсу

написано китарсу | 24 января, 2025

Мечта Атая / рассказ МЕЧТА АТАЯ

Вечером Атай шагал по чистым улицам Германии, в центре Гамбурга, наслаждаясь влажным воздухом и манекенами с высокомерным выражением лиц. Запотевший асфальт отсвечивал фрагменты городской жизни и молча терпел проезжающие элегантные машины, лишь изредка имея возможность посмотреть на беззвездное небо.

– Алло-о? Есть кто-нибудь? Па-арень! Ты просил остановиться на Советской? – крикнул водитель маршрутки на Атая, который в очередной раз размечтался о своей любимице Германии.

– Да, да, спасибо, я выхожу здесь.

Он быстро выскочил из маршрутки, оставляя голодные и холодные глаза уставшего водителя позади, который все это время, воспользовавшись медлительностью пассажира, успел на пару секунд расслабить свои крокодильи руки, которые от долгой езды и криков людей, двигались теперь, к концу рабочего дня, медленно и грустно.

Атай жил в Бишкеке и учился на четвертом курсе на факультете иностранных языков. Детство провел в небольшой деревне, на чистом воздухе.

Сегодня был последний учебный день перед летними каникулами. Атай радостно пришел к себе в общежитие и начал собирать необходимые вещи в дорогу. Вдруг в его комнату ворвался молодой, смуглый парень маленького роста, с почерневшим лицом, и начал говорить сдержанным, но очень злым тоном, брызгая слюной:

– Ты прикинь, не, ты прикинь, опять это случилось!

– В чем дело, Азик?

– Я убью их! Сейчас, я всю общагу на уши подниму. Вот увидишь! Дурака во мне нашли.

– Я не понял, что, опять твою сковородку с едой утащили?

– А ты че думал, невесту, что ли, утащили? И то жалко не было

бы, баб хоть отбавляй. Отлучился только на минутку в комнату, прихожу – плита голая! Нет жареной картошки, только запах от нее остался. Когда я это увидел, Атай, я хотел взорваться! Я сегодня ничего не ел. Из-за экзамена волновался, ничего не лезло в желудок.

– И что сдал?

– Вроде да. Своими силами, не разводил! Блин. В какой стране мы живем? Это надо ж быть кому-то таким голодным и таким отчаянным, чтобы украсть чужую еду! Как ты думаешь, Атай, кто это мог быть?

– Без понятия, хочешь вон ешь мою картошку, я вчера жарил.

– Спасибо, ты настоящий друг. Ладно, прежде чем разбираться, съем-ка я твою, наберусь сил, чтобы найти виновников. А ты сам-то будешь?

– Да не, ешь, я что-то не хочу. До дома дотерплю, мама наверняка приготовила что-нибудь вкусненькое к моему приезду.

При этих словах, да и вообще за все время разговора с соседом Атай наполовину находился в своих мыслях о Германии. Он все ходил по ее чистым улицам и дышал ее прохладным воздухом после дождя. Как и многие молодые люди своей страны, Атай хотел уехать в Европу. И именно в Германию. Он сам не понимал до конца, почему он хочет именно туда. В жизни он хотел добиться больших высот. В Россию он не хотел. Чистить туалеты русским – ни за что, думал он про себя.

Приехав наконец в свою деревню на каникулы, Атай очень страдал первое время, когда отец заставлял его вставать в шесть утра и делать разные дела по хозяйству. Городская жизнь с холодной и горячей водой сделала из него, как говорил отец, «женщину». Женщина, почему так долго за водой ходил? Женщина, ты накормил собаку? и прочие приставания отца очень удручали Атая.

Однажды в детстве, когда была обычная, семейная суэта перед ужином, случилось то, что осталось надолго в памяти Атая. Тогда ему было лет восемь, а младшая сестра его, еще двухлетняя девочка, крутилась вокруг круглого стола, журча в своем детском мире, как маленький ручеек. Отец его сидел на маленьком деревянном стуле и гладил свой круглолицый живот, глупо улыбаясь чему-то. Он постукивал пальцами по пустому, еще

не накрытому столу и ожидал вечерней трапезы. Атай играл с маленькой машинкой, катая ее по полу. Его мать, с рождения тихая, мелкая, как японская слуга, ставила на стол варенье, хлеб, сливочное масло. Когда она хотела принести уже горячее, отец обратился к ней тихим и ироническим голосом:

– Эй, Айгуль, ты что, сутки перепутала? Сейчас же ужин, зачем ты поставила на стол все это? Вот ты даешь. Тебе сколько лет, девочка? Только вчера замуж вышла? Не знаешь, что мы сейчас горячее есть будем? Или пришли к нам гости, что надо все вытаскивать?

В ответ как всегда молчание. Айгуль унесла ненужные продукты и, как намеревалась, поставила посередине стола большую плоскую тарелку, наполненную китайской лапшой с картошкой и мясом. Все сели за стол и приступили к трапезе. Отец любил смеяться и ради смеха он готов был почти на все. В этот раз ему было особенно скучно, и поэтому он решил немножко повеселиться. Он кушал и время от времени посматривал на Атая, который в этот вечер казался ему особенно смешным. У Атая накануне выпали два передних зуба. Лицо загорело на солнце, отрасли волосы и уши торчали несмотря на длинные волосы выглядывали наружу.

– Ты зачем пукаешь за столом? – вдруг обратился к нему отец.

Атай сначала не понял в чем дело, он растерялся, потому, что на самом деле через несколько секунд хотел выйти на улицу, чтобы выпустить из себя воздух. Мама учила его ни в коем случае не делать это при людях – надо выйти, облегчиться и снова зайти, чтобы не портить людям воздух.

– Я этого не делал.

– Каркуша (так он шутя называл свою дочку), ты же слышала, как твой братец пустил маленькую ракету из под стола, которая высоко взлетев в воздух, опустилась прямо на нашу тарелку и притом на мою территорию? Да моя ласточка, ты же видела это? Девочка засмеялась и кивнула головой, не понимая, что это означало для ее старшего брата.

– Жена, ведь ты тоже это видела?

– Ничего я не видела. Ешь, Атай, – ответила тихим голосом Айгуль, покраснев за сына.

– Папа, я же говорю, я этого не делал, – уже с горечью в голосе, прошептал мальчик.

– Но может быть, действительно, никто, кроме меня и твоей сестры, не увидел, как это произошло, но ведь запах, сынок, куда ты денешь запах?

– Может, уже хватит? – промолвила жена робким голосом

– Как это хватит? Атайчик, скажи, что ты ел сегодня? М-м-м?

– Я ничего не ел, папа, – промолвил Атай с жаром и закрыл руками лицо. Но отец не унимался и все с нарастающей фантазией описывал жене свои ощущения, которые он испытал, когда его сын позволил себе вольность за столом. Весь его разговор сопровождался сначала лопающим смехом а потом в голове его появился какой-то еще более смешной образ и от этого он уже, не контролируя себя, разбрызгивал слюни на стол, трясясь всем телом. Его не интересовало состояние сына, у которого было задето достоинство и который потом, после этого издевательства месяц боялся, что отец снова будет издеваться над ним. Но, на счастье Атая, эти дни прошли. Теперь, став студентом, Атай не поддавался шуткам отца и не обижался на него, как в детстве. Он повзрослел и начал понимать жизнь, и чем больше он понимал ее, тем больше он чувствовал какую-то безысходность. Особенно в эти летние каникулы глодало его это чувство. Он беспокоился о своем будущем, о своих желаниях, которые по своим масштабам не совпадали с его возможностями. Он отлично знал, что после окончания учебы его ожидает продолжение нищенской жизни. Единственным выходом для него оставалось уехать. Уехать далеко, туда, где он может дальше развиваться и жить, так, как он этого от всего сердца желал.

Однажды, когда отец уехал куда-то по делам, он решил воспользоваться свободным временем и почитать своего любимого писателя – Достоевского. В этот день было так жарко, что воздух будто таял на глазах. Атай, отложив книгу в сторонку, вышел из прохладного дома, чтобы пойти в туалет. Рядом с гаражом сидела его мать на стульчике и мучила руками белье, которое находилось в железном тазике. Атай удивился, как ей не жарко и как она может вообще стирать в такую погоду! Айгуль уже привыкла к горячему воздуху. При этой стирке по ее смуглой

шее стекали маленькие капли горячего пота. Атаю стало жаль ее. Он прошел мимо. Сколько лет работает мама днем и ночью, гоняясь с отцом наперегонки. А толку-то? Ничего существенного она не добилась. Каждый день одно и то же. Рано вставать, поздно ложиться, чтобы снова проснуться рано. Трудиться и трудиться, но толку никакого! Все те же рваные кофты, которые мать одевала зимой, ссоры перед наступлением зимы из-за недостатка угля и муки на зиму, измены отца, блин, транжира еще тот! Кажется, конца не будет этим житейским проблемам. Желание изменить их жизнь, чтобы они, хотя бы в старости могли спокойно, без особых усилий насладиться жизнью, не оставляло его в покое. Да и любви особой он не испытывал к своей родине. Никакого будущего он не мог представить себе. Нежная рука, прикоснулась к его душевным переживаниям и начала медленно облегчать его переживания. Эта была его красавица, неповторимая мечта о Германии. Он улыбнулся и отдал себя в ее объятия. Ему казалось, что в Германии решатся все его проблемы.

На обратном пути, он решил посидеть с мамой и принес маленький стул из кухни

– Ну что, сынок, как там у тебя в городе? Уж, поди, нашел кого-то. М-м?

– Да нет мам.

– А почему нет?

– Не до этого.

– Ну как это не до этого. Тебе уже скоро пора жениться

– Мама, я хочу уехать в Германию.

– Ты чего? Что ты там потерял?

– Там, я хочу улучшить свой немецкий и заодно подзаработать денег, чтобы вы больше так не мучились.

– С чего это мы мучаемся? Мы всегда так жили, наши предки так жили. Что– то сынок мне не нравится, что ты говоришь. Не вздумай сказать эту глупость отцу.

– Мам, я тебе на полном серьезе говорю, я хочу уехать. Я уже решил.

– А как же мы? Значит, ты можешь так легко бросить нас? После того, как мы вырастили тебя, дали образование, и теперь, когда

пришло время жениться, обзаводиться своей семьей и нас радовать внуками на старости, ты хочешь уехать? Знаю я этих, кто уезжает за границу. Вон Тмаркин сын тоже уехал в Америку, сначала на год, потом на два. В конце концов, он остался там жить. Все, все кто уезжают, не возвращаются. Не знаю почему. Что может быть лучше жизни у себя на родине, среди своих людей...

Атай резко перебил ее:

– Да, среди своих людей, которые смотрят только на деньги? Если у тебя есть связи и деньги, ты человек! Такие, как я, никто! Ты понимаешь, мама! – сказал взволнованным голосом Атай

– Те, кто уезжают, – продолжал он уже более спокойным тоном, – на ноги встают, развиваются! Сын тети Тамары разбогател, всем родственникам помог, помог жить по-человечески. Это плохо? Плохо жить по-человечески?

– Конечно, это хорошо. Но если ты уедешь, ты останешься там. Я не смогу вынести этого. Лучше я буду жить так, как привыкла, так, как сейчас, и не нужны мне деньги твои. Ради бога, сынок даже не надо нам помогать. Вот на следующий год закончишь учебу, работай, женись. Главное, ты рядом с нами, живи для себя. Но только, пожалуйста, выбрось эту идею из головы

Атай молча встал и ушел с раздувающимися ноздрями прочь от матери.

– Сынок, занеси высохшие вещи в дом! – крикнула Айгуль ему вслед.

Атай шел с тяжелыми думами в сад, где они вешали белье. Он знал, что дискутировать с матерью или же с отцом о своих целях, желаниях, так же бесполезно, как если бы он пытался заставить говорить свою привязанную немецкую овчарку по-человечески

Нет. Я уже решил. Жениться я тоже не намерен после учебы, жениться, чтобы еще больше усложнить себе жизнь? Спасибо, уж как-нибудь поживу я холостым, пока не встану на ноги. Жениться, чтобы жить, как она сама, или как папа? Ведь смысл их жизни в чем состоит? Создание семьи: производство детей на свет и потом в конце концов всю жизнь горбатиться, чтобы прокормить всех этих людей – жену, троих детей и, конечно, не

забывать о своих родителях. Но ведь чтобы жениться, иметь детей, нужен хороший фундамент! Не хитрое дело, взять и жениться на ком-то, девушек больше, чем картошки на земле. А дальше что будет, допустим, женюсь я, эх, да что и говорить... Примеров неудачных браков тысячи, которые разваливаются, хорошо, если через год, в основном на следующий день или в лучшем случае через пару месяцев. Нет уж, они как хотят, но я еще хочу чего-то добиться, чего-то большего... Сперва уеду, а потом видно будет.

Несмотря на скандалы, угрозы и даже проклятия родителей, ровно через год после успешного окончания учебы Атай уехал в Германию, в город Гамбург. Он ехал в одну очень зажиточную немецкую семью, в качестве мальчика-няни. Проблем с языком не было, уже по его приземлении на территории Германии. После многочасового полета, он, все еще свежий и молодой, вышел из белоснежного самолета и приветствовал с широкой улыбкой и с горячо бьющимся сердцем свою давнишнюю «любовь» – Германию, страну своей мечты. Высокий, пожилой немец с добродушной улыбкой, ожидавший его прибытия в аэропорту, протянул руку Атаю и повез его к себе домой. Первые дни Атай наслаждался долгожданной встречей со своей мечтой. Он без конца улыбался, радовался и жил окрыленный счастьем. Красота страны не переставала его удивлять. В свободное от работы время он ходил на берег Эльбы и наблюдал, как толстые и удивительно наглые чайки порхали над рекой, изредка перекрикиваясь.

Прошло несколько месяцев, с тех пор, как он приехал. Милый образ родины все время стоял в его голове, будто какой-то человек, который, придя к должнику, сядет у него на кухне и не уходит, пока не получит свой долг. Итак, на этом месте можно пропустить скучное описание первоначальных удивлений и прочих чувств Атая в Германии.

Между тем прошло несколько лет. Как его мать и предвидела, Атай каждый раз откладывал возвращение на родину и оставался жить в Германии. Он поступил в местный университет и без труда продолжал учиться на факультете международной экономики. Жизнь его вполне устраивала, он хорошо подрабатывал в одной большой фирме. Таким образом, хватало средств обеспечивать свою семью

на родине и себя. После успешного окончания университета он тут же нашел подходящую работу с высокой оплатой. И это сделало его, с одной стороны очень довольным, но с другой стороны, чем лучше было его материальное состояние, тем труднее было ему жить в стране, которая когда-то была его мечтой...

Иногда его соотечественники собирались по поводу какого-нибудь праздника. После нескольких рюмок выпитого Атай, весь покрасневший, опухший от наплыва мыслей, стоял среди своих друзей и размышлял вслух: «Что я делаю здесь? Что я потерял здесь?» Каждый понимал, что он имеет в виду, но, привыкнув к этому вопросу, они не обращали никакого внимания. Он трезвел на следующий день и жизнь шла своим чередом. Когда приезжал на родину, его соотечественники говорили: «Добро пожаловать, наш немец приехал!» Там его старые друзья и родственники пытались как можно больше извлечь из него материальной пользы, думая, что в Германии деньги достаются легко и в большом количестве и что на улицах можно найти и мебель и одежду, а в супермаркетах бесплатно раздают просроченную еду. В общем, какая-то страна чудес. Атай понимал менталитет своего народа и иногда огорчался, обижался на них за то, что они не понимают его. Им же не было дела до того, что он, когда-то бедный, сельский кыргыз должен был пережить психологическую трансформацию, попадая как бы из прошлого в будущее. Внешняя развитость страны восхищала его, но не люди, которые тоже были очень развиты и даже чересчур, настолько развитые, что походили скорее на механические аппараты, чем на настоящих людей. К однополым людям Атай привык с легкостью, то есть, когда непонятно было, женщина это или мужчина. Атай перенял многие качества у европейцев. Он старался питаться естественными продуктами, занимался регулярно спортом. В общем, он тоже стал частью этого общества и научился вежливо улыбаться, конструктивно решать проблемы и относиться почти ко всему с рассудительностью. Страсть и интерес к другим культурам и странам играли в его жизни тоже большую роль.

Но все же невозможно было ему спрятать или уничтожить корни своего сознания, которые наверное уже сплелись в его мозгу с

рождения. Они вываливались, как провода какого-то почти – если не взяться за серьезный ремонт – сломанного аппарата, из его мозгов, когда он сталкивался с невозможной, с рассудительной, до болезни доводящей правильности людей в Германии, которые действовали и жили как заведенные роботы по составленной капитализмом программе

Однажды, в обычный будний день Атай ехал в метро. Как всегда в такие дни, в метро пахло мертвечиной, которая представлялась Атаю при виде нечеловеческих, зомбированных лиц находящихся там людей. В этот день у него было плохое настроение. Он сел на свободное место, и напротив него сидела бледная женщина лет сорока с проколотым ртом и закрытыми глазами. Она слушала какую-то рок-музыку и, видимо, находилась в трансе, так как даже сквозь закрытые глаза чувствовалось ее отсутствие. Несколько других людей стояли около двери и стеклянными глазами уставились каждый в свою точку, дыша прямо в дверь, не двигаясь и не оборачиваясь ни на секунду, в напряженном молчании, ожидая следующей остановки. От всех этих людей и от этой безжизненной атмосферы Атаю стало до крови больно, у него закрутило в животе. Он захотел встать и крикнуть на весть вагон и подергать каждого, чтобы они задвигались, издали человеческие звуки и чтобы в конце концов заговорили друг с другом! О боже, что за люди! Как только он встал, обозленный на всех, поезд резко остановился.

Атай решил постоять. В вагон зашли двое: женщина и мужчина. Они сели на свободные места. Особое внимание обратила на себя внешность женщины. Опухшие пальцы ее неестественно торчали, будто задранная лапа собаки. Мужчина же рядом с ней все время слегка тряс головой. Видно было, что эти люди страдают физическими заболеваниями. На следующей остановке в вагон зашли два больших, в синих униформах контролёра с пистолетами на поясе, противогазами, дубинками и многими другими штучками. Подождав пару секунд, пока закроется дверь и тронется поезд, они приступили к своей работе. Один из них, с квадратной стрижкой и стеклянными, безжизненными глазами, важно объявил сидящим пассажирам:

– Добрый день, предъявите, пожалуйста, проездные билеты.

Атай, как назло, в этот день забыл свой проездной дома. Ему стало страшно. И сидящие рядом инвалиды показались еще большими инвалидами. Руки той женщины еще больше напряглись в воздухе, лицо стало длинным и нервным. А голова ее спутника затряслась еще сильнее, да так, что когда контролеры подошли к ним, им пришлось подождать, пока они успокоятся. Атай почему-то был уверен, что контролеры не будут трогать этих больных людей. Но не тут-то было! Когда они попросили инвалидов показать свои проездные, то женщина просто уставилась на них, наверное, в душе надеясь, что они оставят ее и ее спутника в покое. Но контролеры не унимались и продолжали тупо смотреть на них, ожидая билетов. Только через три остановки контролеры, кажется, поняли, что эти больные люди не могут говорить. Они вывели их на улицу и попытались что-то у них выяснить. У Атая была возможность до этого выскользнуть на одной остановке, когда контролеры были заняты инвалидами, но ему было жаль этих людей, и поэтому он решил остаться и посмотреть, чем все это закончится. Его вывели вместе с инвалидами. Один из них – контролер помоложе, лет двадцати трех, записал его данные и отпустил. Но Атай не уходил. Он встал в сторонку и наблюдал, как эти люди в формах, устав повторять инвалидам законы и правила, по которым каждый пассажир обязан иметь при себе проездной билет, взяли бедных дрожащих и немых людей и отправились с ними в полицейский участок. Атай хотел было даже поругаться с этими бесчувственными служаками, но зная, что законы в Германии – это на самом деле законы, где личность рассматривается скорее как объект или число, стал дожидаться следующего поезда метро. В такие минуты ему становилось грустно и тоскливо. Он вспоминал свою родину, где внутренняя свобода человека еще не была убита. Родина была местом на земле, где люди еще не утратили связь с природой и могли громко смеяться, когда им этого хочется, или прямо в центре города могли устроить кулачный бой...

Став уже зрелым и богатым, Атай иногда в свое свободное время гулял по парку и думал о покинутой родине. Теперь она казалась ему красивой и неповторимой; он шел и мечтал о ней – так же, как когда-то мечтал о Германии...

* * *

Эркеайым Касымбекова в 2005 году закончила Бишкекский государственный университет, факультет русской филологии. В 2007 поступила в магистратуру в Гамбургский университет в Германии на факультет русской литературы и теории педагогики. Недавно в журнале на русском языке » По свету + Мосты», который издается в Берлине вышел первый рассказ Э.Касымбековой «Муха». Некаýалар